

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: УСТАНОВКА НА ПАТЕРНАЛИЗМ В МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЯН¹

Е.П. Белинская (Москва), С.А. Литвина (Томск),
О.И. Муравьева (Томск), Т.Г. Стефаненко (Москва),
О.А. Тихомандрицкая (Москва)

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования патернализма как политической установки и его взаимосвязей с культуральными и личностными особенностями. Анализ результатов по методике «Патернализм» на выборке из 244 испытуемых позволил установить, что в содержании патерналистской установки россиян наиболее выраженной оказывается тема ответственности опеки со стороны государства. Обнаружено, что установка на патернализм связана с восприятием существующей власти: чем менее выражена установка на патернализм, тем больше респонденты дистанцируются от существующей власти, ориентированы на функциональное отношение к ней. Не нашла подтверждения гипотеза о том, что патерналистская установка взаимосвязана с культуральными измерениями и личностными особенностями респондентов. При этом оказалось, что патерналистская установка ярче выражена у респондентов, наиболее социально-экономически уязвимых.

Ключевые слова: политическая культура, политические установки, патернализм.

Постановка проблемы

В условиях изменяющейся современной России чрезвычайно важным является анализ процессов развития культурно-исторического сознания граждан, которое включает в себя в качестве важнейшего элемента политическое сознание. Стало уже достаточно признанным общее утверждение Г. Алмонда и С. Вербы [10] о ведущей роли субъективного компонента политической культуры, когда она выступает прежде всего как «субъективный поток политики». Конкретизируя эту мысль, С. Верба и Л. Пай [13] рассматривали политическую культуру как интернализованное знание тех или иных политических реалий, сопряженное с их аффективной оценкой. Понимание особенностей политической культуры и менталитета россиян, восприятие существующих политических и государственных структур, позиционирование субъектов политики и их установок по отношению к власти безусловно будут содействовать развитию продуктивного диалога и взаимодействия между властью и гражданами.

История изучения политической культуры в психологии изобилует спорными и нерешенными вопросами и требует более глубокого анализа. Среди психологов нет единства взглядов на феноменологию и структуру политической культуры, имеют место значительные затруднения в объяснении механизмов ее конструирования и трансформирования, приходится констатировать терминологическую неопределенность самого понятия «политическая культура» [10; 12; 13; 16].

Соглашаясь с самым коротким и одновременно самым широким определением культуры М. Херсковица, мы рассматриваем ее как «часть человеческого окружения, созданную самими людьми» (цит. по: [11, р. 165]). При та-

ком понимании одним из множества элементов культуры является политическая культура. Впрочем, социального психолога, в отличие от политолога или историка, интересует лишь *субъективная* политическая культура, которая охватывает все политические представления, идеи и убеждения, которые являются объединяющими для той или иной большой социальной группы (например, этнической) и оказывают непосредственное воздействие на поведение и деятельность ее членов.

Содержание каждой культуры имеет целостный характер и представляет собой сложную систему взаимосвязанных между собой элементов – обычаев, ценностей, норм, идеалов, убеждений, являющихся регуляторами поведения человека. При таком структурном рассмотрении первостепенное внимание в последнее время уделяется таким особенностям той или иной культуры, которые «пронизывают» все ее элементы и проявляются в поведении ее членов. Такой подход характерен для многочисленных попыток найти одну или несколько стержневых особенностей или измерений культуры [14]. Представляется, что можно выделить семь основных культуральных измерений, которые проявляются и в политической культуре:

- индивидуализм/коллективизм (ориентация на индивидуальные/групповые цели);
- степень избегания неопределенности и, соответственно, потребности в формальных правилах;
- маскулинность/феминность, т.е. оценка в культуре качеств, являющихся стереотипными для мужчин и женщин, и степень поощрения традиционных гендерных ролей;
- эмоциональный контроль, степень допускаемой эмоциональной экспрессивности;
- дистанция между индивидом и «властью», степень неравенства вышестоящих и нижестоящих;
- высокая контекстность/низкая контекстность, т.е. максимизация/минимизация различий в поведении в зависимости от ситуации;
- ориентированность культуры на страх, стыд или вину как регуляторы восприятия политической власти.

¹Поддержка данного проекта была осуществлена Центром социологического образования Института социологии РАН совместно с ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование) за счет средств, предоставленных Фондом Форда. Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Измерения культур включают различные элементы, регулирующие поведение индивида в общности. Но между ними имеется и нечто общее: во всех случаях элементы традиции (ценности, нормы, обычаи и т.п.) анализируются с точки зрения проявляющегося в них стержневого компонента структуры. Такие наборы элементов субъективной культуры, организующиеся вокруг какой-то темы, Г. Триандис называет культурными синдромами [15]. Так, при рассмотрении в качестве культурного синдрома *индивидуализма* подобной точкой отсчета является ориентация на автономного индивида, а при рассмотрении *коллективизма* – ориентация на некий коллектив – семью, племя, этнос, государство, религиозную группу и т.п. Иными словами, если использовать более привычное для отечественной науки понятие, это все те особенности ментальности, в которых отражается первоочередное поощрение культурой потребностей, желаний, целей либо автономного и уникального индивида, либо группы.

Самое простое, но достаточно четкое определение ментальности предложил Ж. Дюби: это «система образов, ...которые ...лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4, с. 52]. Следует, кроме того, отметить, что ментальность тесно связана с областью коллективного бессознательного и «находится», по словам историка У. Раульфа, глубже разных форм человеческого сознания и поведения, но материализуется в мышлении, чувствах и действиях.

А.О. Бороноев и П.И. Смирнов [2] в качестве базовой конструкции ментальности рассматривают иерархию ценностей, которая исторически сложилась у того или иного народа. Заслуживает внимания и «развертывания» в междисциплинарной перспективе концепция С.В. Лурье [6], в которой выделена центральная зона (константы) ментальности этносов. Эти константы включают систему следующих образов, существующих не только на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного:

- локализацию источника добра (Мы-образ и образ покровителя);
- локализацию источника зла (образ врага);
- представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Очевидно, что первая из выделенных констант фактически отражает параметр патернализма. Как известно, под понятием «патернализм» в социологии и политологии понимают персонафикацию власти, представление о первом лице как о родительской фигуре.

Установку на патернализм можно представить как стремление к отношениям, предполагающим предоставление социальных и экономических гарантий в обмен на получение политической поддержки и сохранение лояльности, сопровождаемых ограничением свободы экономического и политического выбора для покровительствуемых индивидов (социальных групп) [8].

Ю.Н. Лапыгин и Я.Л. Эйдельман [5] выводят социальную сущность патернализма из соединения власти с ответственностью за обеспечение определённого минимума благ, а также восприятие подчинёнными таких отношений, «как единственно возможных». Неспособность существовать без всеобъемлющей опеки, контроля государства мистифицирует само понятие государства и государственности и порождает тем самым новую мифологическую форму идеологии. На первый план выходит авторитарный нравственный идеал, по мнению А.С. Ахиезера – один из основных социокультурных идеалов современной России [1]. Согласно ему, единственный истинный субъект – глава патриархальной семьи локального сообщества, который воспринимается как тотем. Эти представления и экстраполируются на политических лидеров. Персонафицированное общественно-политическое мышление, в сущности, оперирует не столько представлениями о правителях страны как о реальных, объективно воспринимаемых личностях (как при непосредственном контакте в межличностных отношениях), сколько их абстрактными образами, символизирующими те или иные обобщенные политические понятия и отражающие различные типы политических взглядов [3]. Личность «высшего руководителя как бы отождествляется не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных экономических, социальных и политических процессов» (там же). Действия или бездействие политического лидера считаются решающей причиной изменения этих процессов, а та объективная обстановка, в которой действует лидер, роль противостоящих ему сил и факторов не замечаются или отодвигаются на задний план.

В нашем исследовании мы предполагаем ориентацию на патернализм в качестве «стержневой» особенности российской политической культуры. Предполагается, что подобная ориентация может иметь достаточно широкий спектр проявлений и отражаться в выделенных измерениях культуры. Сущность патернализма как характеристики политической культуры может быть раскрыта как через его взаимосвязи с культуральными измерениями, так и личностными особенностями, особенностями восприятия и оценки существующей власти, социально-демографическими факторами.

Политическое пространство современной России достаточно неоднородно. Соответственно, можно предположить, что субъективная политическая культура россиян не представляет собой единого целого, а является совокупностью различных политических субкультур, ведущими основаниями формирования которых являются гендерные, этнические и региональные особенности. Одновременно современные политические реалии России в определенной степени «наследуют» традиционные для нашей страны характеристики социально-политического процесса, а именно значительную опору на патерналистские установки населения и действительный государственный патернализм. Поэтому возникает

вопрос, требующий эмпирической проверки: каковы условия проявления, актуализации патернализма, существуют ли половые, гендерные, этнические и региональные «специфики» его проявления?

В данном случае предметом целенаправленного рассмотрения являлись взаимосвязи между установкой на патернализм и такими измерениями культуры, как коллективизм – индивидуализм, толерантность к неопределенности и политическая контекстность, а также выраженность патерналистской установки в зависимости от ценностных ориентаций и самоидентификации личности.

В ходе исследования мы исходили из того, что патернализм – общая особенность ментальности россиян, обеспечивающая специфику национальной политической культуры. Как характеристика общей культуры патернализм главным образом взаимосвязан с основными культуральными измерениями. Мы предполагаем, что установка на патернализм окажется более выраженной у людей, которые ориентированы на групповые цели и социальные нормы, трудно справляются со сложными, противоречивыми и новыми ситуациями, мало способны корректировать свое поведение в зависимости от ситуации и изменяющихся условий.

Рассматривая установку на патернализм как стремление к опеке, поддержке, покровительству со стороны власти, передаче ответственности за свое благополучие в руки государства, мы предполагаем, что выраженность патерналистской установки взаимосвязана с личностными характеристиками, в частности с особенностями иерархической структуры ценностей и особенностями самоидентификации личности. У респондентов, стремящихся к независимости, уверенных в себе, ценящих свою уникальность и рассматривающих индивидов как равных перед законом, патерналистская установка будет менее выражена, чем у респондентов с диффузной

идентичностью и ценностями социального порядка, уважения традиций.

Методики, которые были использованы в исследовании, разработаны или адаптированы исследовательской группой под руководством Т.Г. Стефаненко (авторами являются Т.Г. Стефаненко, Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая) в рамках исследовательского проекта «Политическая культура: представления о власти и патерналистские установки в ментальности россиян»:

- шкала патернализма;
- методика «Коллективизм – индивидуализм» Г. Триандиса;
- методика «Политическая контекстность»;
- методика «Толерантность к неопределенности»;
- методика неоконченных предложений «Отношение к власти»;
- семантический дифференциал;
- методика «Иерархическая структура ценностей» С. Шварца и В. Билски;
- методика М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я? Двадцать предложений».

Результаты и их обсуждение

Опрос проводился в г. Томске, г. Северске и близлежащих селах – локальных поселениях татар. В исследовании приняли участие 244 человека в возрасте от 16 до 80 лет. Среди них – 97 мужчин, 144 женщины, 3 человека не указали свой пол; по национальной принадлежности – 151 русский и 90 татар, 3 человека не указали свою национальность; по уровню образования – среднее и высшее.

Применение критерия Вилкоксона к результатам, полученным по методике «Патернализм», позволило сопоставить значения и установить направленность, интенсивность и выраженность четырех шкал патернализма в эмпирической выборке (рис. 1).

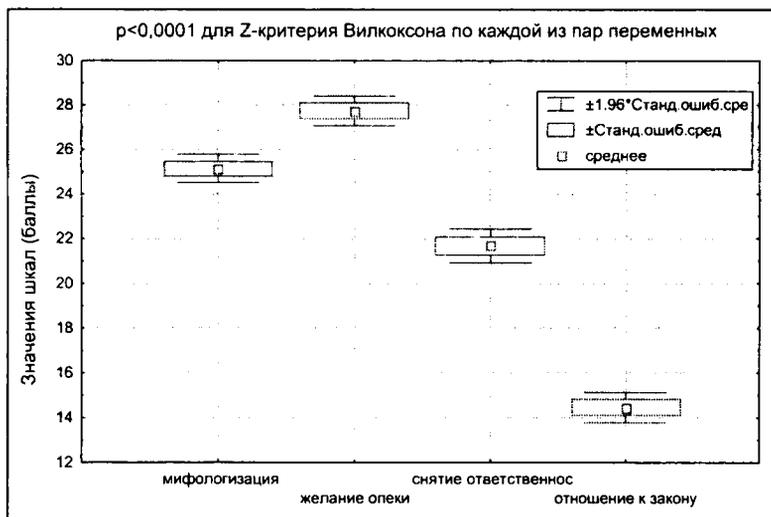

Рис. 1. Средние значения шкал патернализма по всей выборке испытуемых

Из рис. 1 видно, что среднее значение по шкале «желание опеки» (27,9 балла) приближается к максимальному (35 баллов). По шкале «отношение к закону» среднее значение (14,2 балла), напротив, приближается к минимальному (5 баллов), что свидетельствует об относительно высоком уровне законопослушности и уважении к закону по всей выборке испытуемых.

Кластерный анализ данных по методике по всей выборке позволил выделить два больших кластера: назовем их кластер 1 и кластер 2. Кластеры примерно одинаковы по количеству входящих в них респондентов.

Дадим краткую характеристику содержания этих кластеров. При выявлении корреляционных взаимосвязей отдельных кластеров и отдельных шкал патернализма, используя критерий Краскела–Уоллиса для оценки различий между выборками по уровню какого-либо признака, получились следующие результаты.

По шкале «желание опеки» отсутствуют различия средних у респондентов, относящихся к кластеру 1 (27,7) и к кластеру 2 (27,8) (Н-критерий Краскела–Уоллиса = 1,8; $p = 0,2$). Выявлены различия по шкалам «мифологизация власти» (в кластере 1 – 24,5, в кластере 2 – 26,0; Н-критерий = 5,8; $p = 0,02$), «снятие ответственности» (в кластере 1 – 17,9, в кластере 2 – 26,0; Н-критерий = 145,1; $p = 0,00001$) и «отношение к закону» (в кластере 1 – 13,6, в кластере 2 – 15,4; Н-критерий = 8,6; $p = 0,03$).

Представим краткие характеристики кластеров в таблице:

Характеристика кластеров 1 и 2 по шкалам патернализма

Шкалы патернализма	Кластер 1	Кластер 2
Желание опеки	Выраженное желание опеки	Выраженное желание опеки
Мистификация власти	Более реалистично воспринимают власть	Более склонны к мифологизации власти, воспринимают ее нереалистично, наделяя сверхсилой и сверхвозможностями
Снятие ответственности	Менее склонны перекладывать ответственность за происходящее в стране на властные структуры	Склонны к перекладыванию ответственности на государство
Отношение к закону	В большей степени признают главенство закона и равенство всех перед законом	Отдают приоритет в регулировании социальной жизни не закону, а другим принципам или социальным структурам (совести, власти и т.д.)

Таким образом, обобщая характеристики кластеров, можно утверждать, что в кластер 1 вошли респонденты в целом с менее выраженной, а в кластер 2 – с более выраженной установкой на патернализм по отношению к власти. Поэтому условно назовем кластер 1 кластером «низкого патернализма», а кластер 2 – кластером «высокого патернализма».

Итак, респонденты кластера 1, реалистично воспринимаемая власть и понимая, что ее возможности ограничены, отличаются ответственностью, самостоятельностью, осознают важность соблюдения законов. Респонденты кластера 2 наделяют власть сверхвозможностями и воспринимают ее как сверхсилу. Они зачастую «освобождают» власть от ответственности перед законом, считая, что она должна поступать «по совести», а не «по закону». А те нереалистичные возможности, приписываемые власти, подразумевают, по мнению респондентов кластера 2, что ответственность за происходящее в стране лежит на плечах государства. Таким образом, на основании вышеперечисленных различий в кластерах 1 и 2 можно сделать вывод о том, что выраженность патерналистской установки в кластере 1 слабее, а в кластере 2 – сильнее, несмотря на то что желание опеки у всех респондентов одинаково и принимает относительно высокие значения.

Анализируя данные методики «Отношение к власти», мы получили следующую описательную статистику по параметрам дистанцирование – идентификация, функционализм – персонификация, негативное – позитивное отношение, которая представлена на рис. 2.

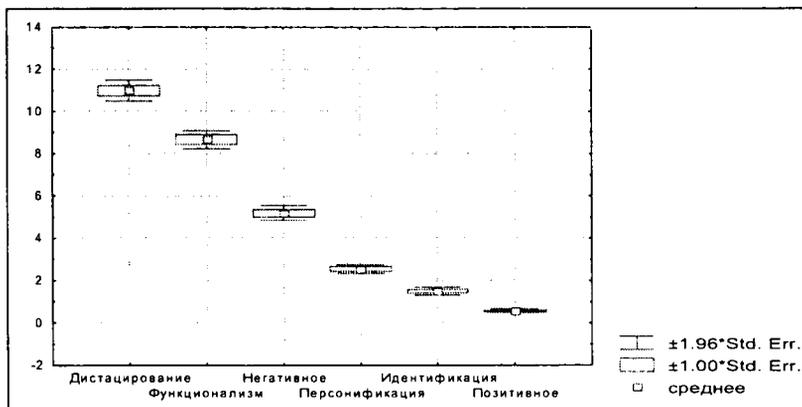

Рис. 2. Средние значения шкал «дистанцирование», «идентификация», «функционализм», «персонификация», «негативное отношение», «позитивное отношение» методики «Отношение к власти» по всей выборке респондентов

Наибольшую выраженность имеют такие параметры, как дистанцирование от власти и функционализм (11 и 8,7), наименьшую – позитивное отношение, идентификация и персонификация (0,5; 1,6; 2,5). То есть отношение респондентов к реально действующей власти отличается высоким восприятием ее не столько с точки зрения фигур и персон, выполняющих определенные властные функции, сколько в терминах самих этих функций, дистанцированием от власти: респонденты не разделяют ее ценности, не идентифицируют себя с ней; скорее негативными, чем позитивными оценками ее деятельности. В то же время респонденты ждут от власти выполнения обязательств, надеются на участие со стороны государства. По мнению Е. Басиной, «эмоциональное состояние обиженности – едва ли не самое распространенное состояние массового российского жителя вне зависимости от фактического положения его дел, так же как жалоба – один из основных способов вербального самовыражения» [1]. Возможно, причиной негативного отношения к власти является та нереализованная надежда на сверхзаботу и связанная с ней обида, которые являются производными от установок на мистификацию власти и ожидание заботы, опеки [1, 2].

Данные по методике «Отношение к власти» были подвергнуты кластерному анализу. Результаты представлены на рис. 3.

Средние значения по таким параметрам, как персонификация, идентификация, позитивное отношение в кластерах 1 и 2 не отличаются друг от друга, различия обнаруживаются по параметрам дистанцирования, функционализма, негативного отношения к власти. Кластер 1, в отличие от кластера 2, составили респонденты: а) отличающиеся высоким дистанцированием от власти, б) описывающие власть в терминах функций, а не личностей, стоящих у власти, в) негативным отношением к ней. Таким образом, кластер 1 условно можно назвать кластером высокого дистанцирования, функционализма, негативного отношения (кратко – кластер высокого дистанцирования), а кластер 2 – высокого дистанцирования, функционализма, негативного отношения (кратко – кластер низкого дистанцирования).

Сопряженность кластеров патернализма и кластеров отношения к власти графически представлены на рис. 4.

Полученные данные свидетельствуют о том, что чем меньше респонденты мифологизируют властные струк-

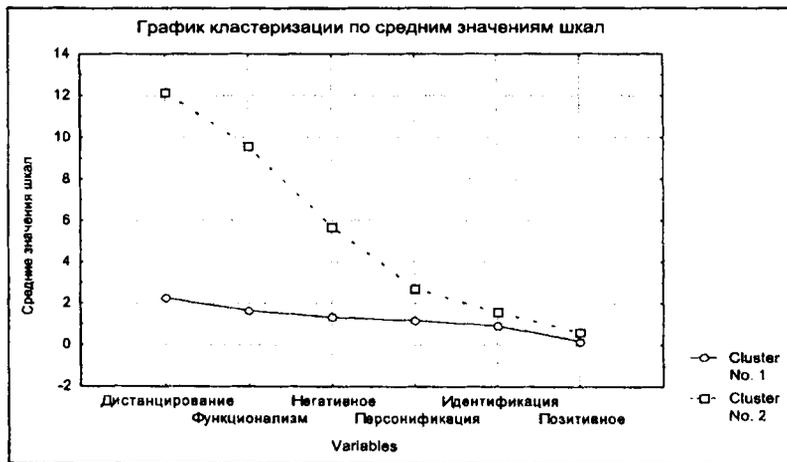

Рис. 3. Средние значения параметров методики «Отношение к власти» в кластерах 1 и 2

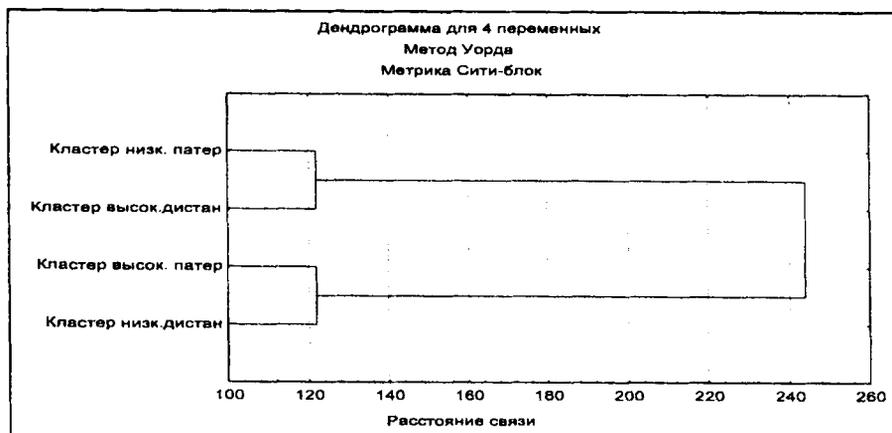

Рис. 4. Сопряженность кластеров патернализма и кластеров отношения к власти

туры, чем меньше перекалывают ответственность за политические события и собственное благополучие на государство и более законопослушны, т.е. отличаются менее выраженной установкой на патернализм, тем больше они дистанцируются от власти, больше требуют от нее выполнения определенных функций и более негативно относятся к власти, не доверяют и не симпатизируют ей. И наоборот – чем больше респонденты склонны мифологизировать власть, чем больше перекалывают ответственность за политические события и собственное благополучие на государство и меньше воспринимают закон как регулятор общественной жизни, тем более позитивно оценивают власть, воспринимают прежде всего личностные особенности политических лидеров («хороший», «симпатичный» и т.п. человек), а не то, как они выполняют государственные функции.

В ходе анализа полученных эмпирических данных по методикам «Коллективизм – индивидуализм» Г. Триандиса, «Политическая контекстность», «Толерантность к неопределенности» мы пришли к неожиданным результатам: не обнаружено взаимосвязи между патерналистской установкой и политической контекстностью, а также коллективизмом и индивидуализмом как компонентами политической культуры. По результатам методики «Толерантность к неопределенности» обнаружена только сопряженность между установкой на патернализм и шкалой «аффективный компонент» (в кластере 1 – 27,9, в кластере 2 – 25,2; Н-критерий = 6,5; $p = 0,01$), тогда как по двум другим шкалам – «когнитивный компонент» и «поведенческий компонент» – не было выявлено какой-либо взаимосвязи. Респонденты, характеризующиеся большей эмоциональной устойчивостью в ситуациях неопределенности, попали в кластер 1 («низкого патернализма»), тогда как респонденты, отличающиеся меньшей эмоциональной толерантностью, – в кластер 2 («высокого патернализма»).

То есть люди, более остро реагирующие на ситуации неопределенности, в большей степени склонны демонстрировать установку на патернализм по отношению к власти. Можно предположить, что данная установка служит своеобразным защитным механизмом, помогающим людям справляться со страхами, тревогами, беспокойством, т.е. теми негативными эмоциями, которые возникают как реакция на объективно существующую в нашей стране ситуацию социально-экономической и политической нестабильности, противоречивости, непредсказуемости. Таким образом, гипотеза об отражении патернализма в таких культуральных измерениях, как коллективизм – индивидуализм, толерантность к неопределенности и политическая контекстность, не нашла подтверждения.

Для изучения личностных особенностей респондентов был применен факторный анализ при обработке данных по методике Ш. Шварца. В результате было выделено три фактора.

Фактор 1 включает набор ценностей, которые имеют значимость в социальной жизни, например соци-

альный порядок, национальная безопасность, вежливость, профессионализм, осмысленность существования, безопасность семьи и т.п. Этот фактор соответствует одному из трех типов ценностей, выделенных Шварцем: «универсализм и безопасность».

Фактор 2 включает в себя такие ценности, как религиозность, честность, социальная справедливость, традиции, уважение старших, защита окружающей среды, мир на земле. Смысл этих ценностей – в уважении и поддержании обычаев, в ограничении действий и побуждений, причиняющих вред другим или нарушающих социальные ожидания и нормы, в поддержании и повышении благополучия людей, с которыми человек находится в постоянном контакте и поддерживает личные отношения. У Ш. Шварца эти ценности относятся ко второму типу – ценности, выражающие интересы группы.

Фактор 3 – ценности социального превосходства – включает набор ценностей, выражающих интересы индивида (третья группа ценностей, по Шварцу): власть, социальное признание, влияние. Смысл этих ценностей – в достижении социального статуса, престижа и господства над людьми.

Таким образом, в нашем исследовании выделенные три фактора ценностей полностью совпадают с тремя типами ценностей, выделенных Шварцем: 1) ценности, выражающие интересы индивида; 2) ценности, выражающие интересы группы; 3) универсализм и безопасность.

Корреляционный анализ факторов по ценностям и патернализму не дал никаких существенных результатов, поэтому был проведен статистический анализ данных по методике Шварца в кластерах 1 и 2 с применением критерия Вилкоксона, что позволило проанализировать иерархическую структуру ценностей в кластерах 1 и 2. Полученные результаты показали, что во-первых, в кластерах выделяется сходное количество иерархических уровней: 8 – в первом, 10 – во втором кластере; во-вторых, во многом сходным оказывается порядок выбора: и предпочитаемые, и отвергаемые ценности – общие в обоих кластерах. Наиболее значимыми являются ценности «здоровье» и «безопасность семьи», «профессионализм», «любовь», «согласие с собой». Наименее значимыми (отвергаемыми) ценностями являются «власть», «социальная власть». Таким образом, можно утверждать, что не обнаружено существенных различий в структуре ценностных ориентаций между кластерами.

Данные по параметру «самоидентичность» также были подвергнуты статистической обработке с применением критерия Вилкоксона, который позволил проанализировать иерархическую структуру категорий самоидентификации в кластерах 1 и 2. Оказалось, что респонденты, попавшие как в кластер «высокого», так и «низкого» патернализма, главным образом идентифицируют себя через гуманистические характеристики («добрый», «отзывчивый», «герпимый»), отношение к труду («трудолюбивый», «компетентный», «обязательный») и личностные качества

(«ответственный», «умный»). Среди социально-демографических категорий для самоидентификации чаще всего использовались семейные роли («муж», «мать», «дочь» и т.п.), в то время как идентификация через отношение к большим социальным группам («патриот», «уважающий традиции») – предпоследняя в иерархии. Таким образом, сравнение иерархической структуры категорий самоидентификации в кластерах 1 и 2 показывает, что каких-либо существенных различий в структуре идентичности у респондентов с более выраженной установкой на патернализм по сравнению с респондентами с менее выраженной установкой на патернализм по отношению к власти не наблюдается.

При этом в ходе исследования были обнаружены неожиданные взаимосвязи между патернализмом и такими социально-демографическими характеристиками, как возраст, уровень образования, этническая принадлежность, наличие или отсутствие брака, наличие или отсутствие детей. Существенными оказались возрастные отличия в выражении патерналистских установок. Молодые люди «попали» в кластер 1, респонденты более зрелого возраста (старше 40 лет) – в кластер 2 (Н-критерий = 15,5; $p = 0,0001$), что означает, что более молодые люди менее склонны демонстрировать патерналистскую установку по отношению к политической власти (напомним, что исключение составляет желание опеки, которое одинаково сильно выражено у всех групп респондентов). Эти результаты могут быть объяснены закономерностью, обнаруженной американскими психологами. Д. Майерс [7, с. 334] приводит результаты исследований Krosnick & Alwin, которые свидетельствуют, что в течение второго десятилетия человеческой жизни и в начале третьего происходит интенсивное формирование личности, и установки, возникшие в этот период, имеют тенденцию оставаться неизменными. Политические установки людей старше 40 были сформированы во время советской власти, когда во главе государства стоял авторитарный лидер, воплощавший в себе черты «отца» – строгого, справедливого, ответственного и заботливого. Эта патерналистская установка по отношению к власти у людей старшего поколения сохранилась, в то время как установки молодых людей формируются сейчас и обусловлены современными тенденциями развития общества: требованием самостоятельности в принятии решений, инициативы, автономности, персональной ответственности. Таким образом, на основании полученных результатов можно утверждать, что существует связь между возрастом субъектов политики и выраженностью у них патерналистской установки. Связь такова: чем моложе респонденты, тем в меньшей степени была выражена установка на патернализм, чем старше – тем сильнее желание опеки и заботы со стороны государства.

Выявилась взаимосвязь между шкалой «снятие ответственности» методики «Патернализм» и такими характеристиками, как наличие или отсутствие брака и

наличие или отсутствие детей. Респонденты, состоящие в браке, имеющие детей, склонны считать, что гражданин вряд ли может изменить что-либо в жизни своей страны, а за все, что в ней происходит, несет ответственность власть, и даже личное благосостояние мало зависит от инициативы самого человека (у респондентов, состоящих в браке, среднее 22,6, не состоящих в браке – 19,8; Н-критерий = 10,4; $p = 0,001$).

Такое же соотношение выявилось у респондентов, имеющих и не имеющих детей. Наличие детей приводит к повышению значений по шкале «снятие ответственности» методики «Патернализм», причем количество детей не имеет значения, важен лишь сам факт наличия или отсутствия детей. Различия достоверны с вероятностью ошибки 0,8%. У респондентов, не имеющих детей, среднее значение по шкале равно 19,5, имеющих одного или двух детей – соответственно 22,4 и 22,5. Два последних результата статистически не различаются.

Анализируя представленные выше результаты, нельзя, однако, сделать однозначный вывод о том, что оба эти параметра – и брак, и наличие детей – влияют на увеличение патерналистских тенденций, так как они сами тесно сопряжены между собой. Поэтому остается открытым вопрос о том, какой же из них действительно детерминирует наблюдаемые изменения, а какой лишь является сопутствующим.

Тем не менее выявленная в исследовании взаимосвязь патернализма как установки по отношению к власти и таких социально-демографических характеристик, как брак и наличие детей, свидетельствует о том, что выраженность патерналистских установок обусловлена не столько особенностями культуры, сколько индивидуальными отношениями с обществом, реальной жизненной ситуацией человека. У состоящего в браке и имеющего детей актуализируется ценность безопасности семьи, а также готовность ограничить свои индивидуальные потребности, даже в некоторой степени отказаться от независимости и личной ответственности в обмен на опеку, поддержку государства. Это может быть интерпретировано как реакция на социальную и экономическую незащищенность семьи в нашей стране.

Таким образом, наши данные подчеркивают влияние фактора наличия семьи и детей на особенности политических установок.

Фактор образования повлиял лишь на одну шкалу методики «Патернализм» – «отношение к закону». Респонденты, имеющие высшее образование, по сравнению с респондентами, имеющими среднее образование, в большей степени признают закон в качестве главного регулятора общественной жизни, считают, что все должны быть равны перед законом независимо от социального статуса, властных полномочий и т.п. (Различия достоверны с вероятностью ошибки 0,048%. У респондентов с высшим образованием среднее значение по шкале равно 14,0, имеющих среднее образование – соответственно 14,95, Н-критерий = 3,9.)

Этнические характеристики респондентов также оказались связаны только со шкалой «отношение к закону». Русские в большей степени признают главенство закона, чем татары (среднее у русских – 13,9, у татар – 15,3; H -критерий = 11,7, $p = 0,0006$). Однако этот вывод нельзя признать безусловным. Отметим, что именно по этой шкале получены различия среди респондентов, имеющих среднее и высшее образование. Проанализировав же структуры выборки татар и русских по признаку образования, можно увидеть, что они неоднородны. Среди татар около 40% составляют респонденты, имеющие среднее образование, тогда как среди русских таких всего около 10%. Поэтому фактор образования мог повлиять на обнаруженные различия в этнических группах. Поэтому остается открытым вопрос о том, влияет ли на отношение к закону уровень образования, либо этническая принадлежность, либо и тот и другой фактор одновременно.

Подводя итоги, можно сказать, что:

1. Патернализм как желание опеки и заботы со стороны государства характеризует всю выборку и является типичной особенностью ментальности россиян.

2. В содержании патерналистской установки наиболее выраженными оказываются темы долженствования опеки со стороны государства, его ответственности за происходящее в стране, мифологизация власти.

3. Установка на патернализм связана с восприятием существующей власти и отношением к ней. Чем менее выражена установка на патернализм, тем больше респонденты дистанцируются от власти, требуют от нее выполнения определенных функций и более негативно относятся к ней, не доверяют и не симпатизируют ей. И наоборот – чем более выражена установка на патернализм, тем положительнее респонденты оценивают власть, менее дистанцируются от нее, идентифицируют власть не с функциями, а с «персоной».

4. Максимально выражена патерналистская установка у респондентов старше 40, состоящих в браке и имеющих детей, а также средний уровень образования. Таким образом, выстраивается ряд факторов, которые объединены другим, более обобщенным, – социально-экономическая уязвимость. Люди старшего возраста, имеющие детей, невысокий уровень образования проигрывают более молодым, высокообразованным, неотягощенным семейными обязательствами в обретении социально-экономического благополучия. Заостряя этот вывод, можно утверждать, что установка на патернализм актуализируется таким базовым фактором, как фактор бедности.

5. Индивидуально-психологические и культуральные особенности не оказывают существенного влияния на выраженность патерналистской установки.

Литература

1. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
2. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000.
3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
4. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.
5. Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М., 1996.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998.
8. Политическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999.
9. Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.
10. Almond G.A., Verba S. The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. L., 1989.
11. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.
12. Pye L. Political culture and national character // Social psychology and political behaviour. Columbus, 1971.
13. Pye L., Verba S. (eds.) Political culture and political development. Princeton, 1965.
14. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup relations. Madison, 1996.
15. Triandis G. Individualism and Collectivism. Boulder etc.: Westview-press, 1995.
16. Tucker R. The dictator and totalitarianism // World Politics. 1965. Vol. 17.

INSTALLATION ON PATERNALISM AND ITS INTERCONNECTION WITH CULTURAL AND PERSONAL PARTICULARITIES

E.P. Belinskaya (Moscow), S.A. Litvina (Tomsk), O.I. Muravyeva (Tomsk), T.G. Stefanenko (Moscow), O.A. Tihomandrickaya (Moscow)

Summary. It is presented the results of the empirical study of paternalism as political installation and its Interconnections with cultural and personal particularities. The analysis results on methods of paternalism (the authors T.G. Stefanenko, E.P. Belinskaya and O.A. Tihomandrickaya) on sample from 244 respondents has allowed to install that the subject of obligation of trusteeship on the part of state turns out to be the most expressing in contents of paternalistic installation of Russians. It is discovered that installation on paternalism is connected with perception of existing authorities: than less denominated installation on paternalism, that more respondents which are distanced from existing authorities end oriented on functional attitude to them. It is not confirmed the hypothesis that paternalistic installation is interconnected with culture measurements and personal particularities of respondents. As it turned out that paternalistic installation is brighter dominated among the respondents which are the most social-economic vulnerable.

Key words: political culture, political installation, paternalism.